

И.К.Шереметьев

Латинская Америка: регион социальных контрастов

Статья посвящается памяти выдающегося латиноамериканского ученого-исследователя и практика Рауля Пребиша.

По мнению многих экономистов и социологов (включая экспертов ЭКЛАК), Латинская Америка — это регион с самым неравномерным («несправедливым») распределением плодов экономического роста и доходов. Является ли это следствием неудачно избранной здесь в 90-е годы прошлого столетия модели либерально-рыночной экономики или корни этого феномена уходят в прошлое, а «рыночные» преобразования только усугубили проблему неравенства, спровоцировав и «левый поворот», и бурную реакцию низов на царящую в регионе несправедливость, на кричащие контрасты в уровнях благосостояния верхних, элитарных слоев общества и его многомиллионных «низов»?

Задаваясь этим малоизученным вопросом мы решили обратиться к подзабытой в последнее время теории «периферийного капитализма» выдающегося латиноамериканского ученого-исследователя Рауля Пребиша¹, в свое время немало сделавшего для выяснения причин как отстающего развития латиноамериканских стран, так и присущих им социальных недугов.

Ключевые слова: Р.Пребиш, периферийный капитализм, неолиберализм, демократия, социализм, национальный суверенитет.

ПОЧЕМУ Р.ПРЕБИШ ОТРЕКСЯ ОТ ЛИБЕРАЛОВ-НЕОКЛАССИКОВ

По признанию самого Пребиша, первоначально он находился под сильным влиянием идей либералов-неоклассиков, в частности, таких видных представителей этого течения, как Й.Шумпетер (1883—1950 гг.), М.Фридмен (родился в 1912 г.), лидер Чикагской школы монетаристов, лауреат Нобелевской премии по экономике (1976 г.), Ф.фон Хайек (1899—1992 гг.), лауреат Нобелевской премии по экономике (1974 г.). Однако в процессе своей практической работы на различных постах Пребиш все больше убеждается в том, что реалии Латинской Америки и родной его страны Аргентины никак не соотносятся с учением неоклассиков. Многие

¹ Игорь Константинович Шереметьев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН (v.teperman@ilaran.ru).

годы наблюдая и сопоставляя итоги и характер развития центров и периферии мирового капиталистического хозяйства, он приходил к выводу, что они далеко не одинаковы, хотя казалось бы и те, и другие развиваются в одном русле — в рамках капиталистической рыночной экономики. Вот что Пребиш говорил по этому поводу: «С первых же дней работы на поприще экономической науки меня неудержимо влекла к себе проблема циклического развития экономики. Напичканный всевозможными теориями, я не мог понять, что происходит с аргентинской экономикой. И позднее, когда мне пришлось работать в условиях этой действительности со времен великой депрессии (имеется в виду мировой экономический кризис 1929—1933 гг.), у меня не было никакого ориентира. Более того, я испытывал ощущение, что то, чему меня учили, не только не помогает осмыслению этой действительности, но и мешает изучать ее...

Я пришел к выводу, что в теориях, разработанных в промышленно развитых странах, органически заложена ничем не оправданная претензия на универсальность. Между тем эти теории отражают — и то не всегда адекватно — тенденции развития промышленно развитых стран, но они не дают ответа на вопрос, что происходит в наших странах»².

Сопоставляя капитализм центров с капитализмом периферии, Пребиш доказывал, что периферийный капитализм отличается от капитализма развитых стран не степенью развития, а моделью способа производства и распределения материальных благ. Капитализм центров возник и развивался на национальной почве как длительный, структурно взаимоувязанный процесс роста накопления капитала на базе стимулирования инноваций — технологических, экономических, организационных. В результате чего проблема накопления капитала в индустриальных странах в основном решена. В странах же запоздавших с развитием собственного, национального капитализма, он возникает и развивается как имитационная модель в ходе инъекций иностранного капитала, технологий и идеологии. Здесь уже нет структурной взаимоувязки элементов модели развития. Имитация начинается с формирования рынка, ориентированного прежде всего на интересы и потребности узких, элитарных слоев общества, владеющих основной массой средств производства и присваивающих львиную долю так называемого «излишка» (прибавочного продукта или совокупной прибыли). И это делает модель распределения кричаше несправедливой, приводит к расточительному потреблению и сокращению накопления³.

Отвергает Пребиш рецепты неоклассиков (чикагская школа) и в области борьбы с инфляцией, которая периодически захлестывает страны периферийного капитализма. Согласно неоклассикам, причины инфляции — разбухания сферы денежного обращения и роста цен — кроются либо в разбалансировке государственных финансов (главным образом по причине разрастания государственного бюрократического аппарата и непомерно больших расходов на социальные программы), либо в неправильной денежно-кредитной политике, неумелом манипулировании процентной ставкой по банковским ссудам. И в том, и в другом случае происходит разбухание денежного обращения сверх реальной потребности рынка в денежных знаках. Отсюда и средства преодоления инфляции по рецептуре неоклассиков-монетаристов: с одной стороны, это сокращение до минимума дефицита государственного бюджета, с другой — кредитная рестрикция, или, иначе говоря, политика «дорогих денег». Первая проблема решается путем сокращения государственного сектора и управленческого аппарата, свертывания ассигнований на социальные нужды, вторая — посредством повышения процентной ставки по банковскому кредиту. Казалось бы вполне

стройная и логическая концепция, готовая к применению на практике. Что же в ней не устраивало беспокойного Пребиша?

Он усматривал в этой концепции технократический или, по его словам, «чисто экономический» подход к проблеме инфляции, считал ее узкой, не учитывающей ряд новых важных элементов реальной действительности, по крайней мере, в латиноамериканском регионе. В его работе по периферийному капитализму часто встречается понятие «борьба (или схватка) за перераспределение доходов» (*pugna redistributiva*). Это не что иное как периодически разгорающаяся борьба трудящихся, их профсоюзов и иных организаций против дороговизны жизни, за повышение реальной заработной платы. Причем

такая борьба со временем имеет свойство обостряться — по мере того, как эволюционирует социальная структура общества, и в нем возрастает вес средних слоев, живущих в основной своей массе на трудовые доходы.

В схватке главным объектом перераспределения становится уже упоминавшийся «экономический излишек», иначе говоря, прибавочный продукт, или совокупная прибыль, возникающая вследствие роста производительности труда, применения новейшей техники и технологий. Такая прибыль, согласно Пребишу, служит главным потенциальным источником накопления капитала, и от того, как она используется, зависят и темпы роста производства, и уровень занятости населения, и возможности профессиональной подготовки рабочей силы и многое другое. Между тем присваивается этот излишек в основной своей массе «привилегированным обществом потребления», т.е. довольно узким слоем крупнейших собственников средств производства, находящимся на вершине социальной пирамиды общества.

Когда трудящимся в результате очередной схватки за перераспределение доходов удастся добиться повышения заработной платы, экономический излишек, сконцентрированный в руках «привилегированного общества потребления», начинает таять, оскудевать, а это, как нетрудно понять, сказывается и на уровне потребления высших слоев общества, и на производстве, поскольку снижаются инвестиционные затраты на его развитие.

Таким образом, возникает острая коллизия: платежеспособный спрос трудящихся временно расширяется, но в то же время приостанавливается рост производства, и появляется угроза благополучию «привилегированного общества потребления». В таких условиях кредитная рестрикция как средство сдерживания инфляции может дать лишь обратный результат — еще больше усугубить ситуацию, потянуть производство вниз из-за нехватки денежно-кредитных средств у производителей. И происходит нечто парадоксальное: чтобы выбраться из кризиса и поддержать «привилегированное общество потребления», государство в лице его денежно-кредитных властей вместо применения кредитной рестрикции начинает подпитывать производство, а следовательно, и «привилегированное общество по-

требления» путем расширения кредита и субсидий, хотя это противоречит практическим рекомендациям школы неоклассиков-монетаристов. Со своей же стороны «привилегированное общество потребления», отстаивая свои интересы в производстве и потреблении, начинает взвинчивать цены на товары и услуги. Излишек, временно сократившийся до какого-то низшего предела в результате схватки за перераспределение доходов, постепенно вновь начинает увеличиваться, исподволь подготавливая почву для очередного цикла обострения социальных противоречий⁴.

Как видно, выдвинутая Пребишем концепция социальной инфляции богаче, содержательнее по сравнению с традиционной трактовкой этого феномена у неоклассиков. Из этой концепции следует, что традиционные методы борьбы с инфляцией, известные неоклассикам, не всегда и не везде могут успешно применяться.

Вопрос демократии в условиях свободной рыночной экономики был еще одной позицией, по которой Пребиш серьезно расходился с неоклассиками, в частности с уже упоминавшимися Фридменом и Ф. фон Хайеком. Вот что он писал по этому поводу: «Вопрос, по которому мы никогда не сможем достичь согласия, замалчивается. Неолибералы не признают, что законы рынка, который они так превозносят, в условиях периферии ведут к концентрации средств производства в частном секторе и неприемлемому социальному неравенству. Они не признают, что попытки исправить это положение, прибегая к силе профсоюзов и политических организаций — единственному средству, которое предоставляет система (трудящимся. — *И.К.*), приводят к конфликтам, заканчивающимся применением силы и разрушением демократии и ее ценностей. Так восстанавливается динамика излишка, на которой основано общество привилегий и потребления. В рамках существующей системы нет иного средства добиться этой цели. Отсюда — противоречие между демократией и характером накопления и распределения в условиях периферийного капитализма»⁵.

ПРЕБИШ О МАРКСЕ, МАРКСИЗМЕ И РЕАЛЬНОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Известно, что неолибералы всех мастей и оттенков не приемлют марксизм, считая его давно устаревшим учением, не отвечающим реалиям сегодняшнего дня, противоречащим демократии. По-иному воспринимает это учение Пребиш. В марксизме он различал две стороны: марксизм как экономическое учение и метод исследования и марксизм как «политическую идеологию преобразования» общества. Высоко расценивая роль Маркса в развитии экономической науки, он вместе с тем отмежевывался от политических выводов этого учения и от тех искривлений в практике преобразования общества, которые были допущены в Советском Союзе и в ряде стран Восточной Европы. «Маркс, — писал Пребиш, — подверг резкой критике концепции своих предшественников, представителей классической политэкономии. На этой основе он создал впечатляющую теорию. Он вскрыл глубокие противоречия капитализма, на смену которому приходит сначала социализм, а затем коммунизм. Так он открыл исторический закон развития капитализма»⁶.

Пребиш отмечал в теории Маркса и «строгость доказательств, касающихся противоречий капитализма в развитых странах», и «мощь его интеллекта, позволяющую ему проникнуть в суть проблем». И хотя периферийный капитализм (в пору жизни Маркса только начинавший формироваться) не был да и не мог быть предметом его внимания, Пребиш тем не менее утверждал, что «метод марксистского анализа мог бы способство-

вать объяснению этих феноменов (феноменов периферийного капитализма. — *И.К.*) и тех сдвигов в экономической структуре и социально-политической надстройке, которыми сопровождался процесс проникновения техники в периферийные страны».

Вместе с тем он сожалел о том, что в Латинской Америке, как правило, преобладает восприятие марксизма как идеологии. Редко встречаются попытки глубокого толкования марксизма. Гораздо чаще приходится сталкиваться с догматическими повторами. Так, повторяется теория прибавочной стоимости без каких-либо попыток внести в нее что-нибудь новое.

По мнению Пребиша, Маркс, создав теорию революционного преобразования капитализма в социалистическое общество, все же не дал развернутого ответа на вопрос, каким должно быть это новое общество. Зато, замечает он с иронией, предельно четкий ответ на этот вопрос предложили неоклассики: «Все проблемы решит тень Адама Смита по законам рынка!».

Возникновение идеи создания социалистического общества Пребиш называет «одним из величайших достижений гуманизма». Однако он неоднозначно относился к тому, как на практике в Советском Союзе воплощалась эта идея. С одной стороны, он отдавал должное «впечатляющим успехам СССР в области экономики, науки, техники, с другой — не принимал государственного контроля над всеми средствами производства и концентрацию управления ими в руках людей, находящихся на вершине пирамиды политической власти, которая в этом случае становится неограниченной. Убежденный демократ, Пребиш отстаивал необходимость глубокой демократизации общественно-политической жизни и «властных структур», т.е. государства. И, наоборот, он был решительным противником авторитарно-диктаторских режимов, какой бы идеологией они ни руководствовались. Его идеал — государство развитой представительной демократии, открывающее простор для инициативы и творчества, для динамичного развития и более широкого доступа к плодам научно-технического прогресса трудящихся масс, государство, на деле обеспечивающее права и свободы своих членов общества. Демократизацию он считал велением времени, процессом, который лежит в русле основного направления социальной эволюции общества.

Рассматривая периферийный капитализм как неперспективную, в известном смысле тупиковую систему развития, периодически воспроизводящую острые социальные конфликты, Пребиш выдвигал задачу выйти на «синтез социализма и экономического либерализма», беря все ценное и общественно полезное от того и другого и отсекая в них то, что себя не оправдало на практике с точки зрения интересов эффективного развития производства и социальной справедливости. При этом он не предлагал готовых универсальных рецептов на все случаи жизни, а высказывал лишь самые общие, выстраданные им мысли о возможных разумных направлениях трансформации общества и его экономической системы. «В отличие от того, что мне обычно приписывают, — говорил он, я не предлагаю никакой «модели», никакой новой альтернативы развития, которая могла бы быть использована как эффективная формула для всего региона, отличающегося большим разнообразием»⁷.

ОТНОШЕНИЕ ПРЕБИША К РЫНКУ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Парадоксально, но факт: резко критикуя либералов-неоклассиков за их преклонение перед рынком с его «невидимой рукой», способной все расставить по своим местам, Пребиш, вместе с тем, вовсе не был противником

рынка, рыночных отношений. В своей работе о периферийном капитализме он подчеркивает важную роль рынка как посредника между производителем и потребителем. «Если бы не было рынка, — говорит он, — решения о том, что производить и потреблять, принимались бы исключительно планирующими органами, а это имело бы серьезные политические последствия.

Не следует смешивать рынок с факторами, которые на него воздействуют, и не нужно требовать от него того, что он не может дать. Рынок не может изменить социальную структуру, которая лежит в основе властных отношений, во многом определяющих распределение доходов, он также не способен обеспечить необходимые темпы накопления. Но если эти и другие его недостатки устранить, действуя осмысленно и в духе социальной справедливости, рынок может стать эффективным механизмом распределения производственных ресурсов»⁸.

Главными факторами воздействия на рынок Пребиш считал наличие слоя крупных собственников, монополизировавших ключевые (наиболее доходные) отрасли хозяйства, и присущее им расточительное использование своих огромных доходов. Этот феномен он называл, как уже говорилось выше, «привилегированным обществом потребления». Этому слою, расположенному на вершине социальной пирамиды, свойственна имитационная модель потребления — подражание в образе жизни и потреблении господствующим классам развитых стран («центрам системы»). Отсюда — преобладающий спрос на дорогостоящие предметы роскоши импортного и местного производства, приобретение роскошных вилл и особняков, туристические поездки за рубеж по высшему классу и другие виды расточительного потребления в ущерб накоплению капитала и развитию общества в целом.

Уместно заметить, что об этой же проблеме — проблеме неравномерного распределения средств производства (к числу которых не в последнюю очередь относятся земля и другие естественные ресурсы) как главном источнике неравенства в условиях жизни различных слоев общества в латиноамериканских странах сегодня говорит и такой известный ученый-экономист, как президент Эквадора Рафаэль Корреа.

Раскрывая содержание понятия «социализм XXI века» и его соотношение с традиционным социализмом, он говорил следующее. «Социализм XXI века» и традиционный социализм совпадают в понимании справедливости в самом широком смысле этого слова: социальная, региональная, этническая справедливость в отношениях между полами и поколениями. Это основополагающий момент, поскольку Латинская Америка — самый «неравноправный» регион на планете. А проводившаяся сторонниками неоллиберализма политика по дерегулированию лишь усилила неравенство в странах нашего региона. И далее: «Мы убеждены, что в наше время никто не может утверждать, что огосударствление средств производства является наилучшим способом достижения благосостояния общества. В этом — коренное отличие между старым социализмом и «социализмом XXI века». Согласно традиционному социализму, чтобы покончить с эксплуатацией труда, необходимо ликвидировать частную собственность. Мы не верим в необходимость полного огосударствления средств производства, за исключением, конечно, стратегических отраслей, но мы сторонники демократизации всех средств производства, другими словами, их справедливого распределения, ибо концентрация всех средств в руках немногих представляет собой один из основных источников неравенства».

ПРЕБИШ О КРИЗИСЕ МИРОВОГО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА И НЕОБХОДИМОСТИ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ («ТРАНСФОРМАЦИИ»)

Анализируя «врожденные» пороки периферийного капитализма, Пребиш вместе с тем остро критиковал центры мирового капитализма за их недальновидную политику в отношении стран периферии, в частности Латинской Америки. Эту политику он называл контрпродуктивной, порождающей острые коллизии как на периферии мирового капитализма, так и на мировом уровне. Больше того, он считал ее в конечном счете противоречащей интересам самих центров силы мирового капитализма, иначе говоря, индустриально развитых государств.

«До сих пор, — пишет Пребиш в заключительном разделе своей книги по периферийному капитализму, — Соединенные Штаты не выказали понимания важнейших проблем периферийного развития. Признавая наличие присущего ему социального неравенства, они не сознают, что именно неравенство составляет основу существования имитационного капитализма, в пользу которого они и действуют. США всегда одобряли намерения периферийных стран развиваться по образу и подобию центров и видели в ТНК мощный инструмент устранения социального неравенства. В своей политике они опираются на поддержку определенных господствующих групп на периферии...

В центрах, в первую очередь в США, существует переплетение интересов могущественных экономических и финансовых групп, оказывающих большое влияние и на характер отношений на периферии. Кризис системы угрожает этим интересам и обслуживающим их теориям. Когда указанные группы чувствуют угрозу своим интересам, они действуют против периферийных стран и в некоторых случаях готовы даже применить военную силу»¹⁰. Однако по сути они недальновидны, лишены чувства предвидения будущего и способности сдерживать свою силу. Речь идет при этом о чувстве предвидения, которое в конечном счете вытекает из этических соображений.

Драматическими являются последствия, обусловленные отсутствием предвидения в отношении биосферы. Научит ли нас чему-нибудь нынешний ее кризис? Смогут ли центры сдерживать свою господствующую силу? Отдают ли они себе отчет в том, что это необходимо для того, чтобы роковым образом не навредить своим собственным интересам?

Отсутствие сдержанности в применении силы и непостижимое непредвидение привели к международному валютному хаосу. Столь же недальновидная позиция преобладала в отношениях центров с периферией. Следует ли ожидать дальнейших кризисов, чтобы подобная ситуация изменилась? Смогут ли центры избежать той социальной бури, которая назревает на периферии?»¹¹.

И такой бурей в Латинской Америке стал так называемый «левый поворот» — мощное движение политизированных низовых слоев общества, в конечном счете обусловленное вопиющими контрастами в распределении благ экономического и научно-технического прогресса на континенте, контрастами, только усугубленными неолиберальными рыночными реформами 90-х годов прошлого столетия. Ответом на них стал, с одной стороны, «мейн стрим» (main stream) — движение к «социализму XXI века», с другой — активное участие ряда латиноамериканских стран в борьбе за новый экономический миропорядок, за укрепление национального суверенитета над своими природными ресурсами, за их рациональное использование в

собственных интересах. Насколько успешными будут эти перемены в Латинской Америке и как их воспримут власти и господствующие экономические силы в США, покажет время. Как бы то ни было, но пророчества замечательного латиноамериканского ученого Пребиша о вероятном развитии событий в Латинской Америке, да и в мире в целом, во многом уже сбылись. Это наглядно подтвердил глобальный финансово-экономический кризис конца первого десятилетия нынешнего века, зародившийся в США и болезненно сказавшийся на многих латиноамериканских странах.

Многие идеи, оценки и выводы, содержащиеся в труде Пребиша, актуальны и сегодня, они не потеряли своей научно-познавательной значимости. Они интересны и для российского читателя, поскольку современная Россия сталкивается со многими проблемами, аналогичными тем, которые сегодня волнуют страны латиноамериканского континента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рауль Пребиш (1901—1986) родился в Аргентине, потомок югославских эмигрантов. В 1923 г. окончил экономический факультет университета Буэнос-Айреса, через два года становится профессором политэкономии этого университета. В разное время занимал следующие посты: в 1925—1927 гг. — заместитель директора государственного департамента статистики; в 1927—1930 гг. — директор Экономического института; в 1930—1933 гг. — помощник министра финансов; в 1933—1935 гг. — экономический советник правительства; в 1935—1943 гг. — директор Центрального банка Аргентины.

Мировую известность Пребиш приобрел на посту исполнительного секретаря Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛАК), который он занимал в 1950—1963 гг. (вскоре после ее создания в 1948 г.) и генерального секретаря Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) в 1964—1969 гг. Работая с группой других видных латиноамериканских ученых (М. Бальбоа, А. Феррер, С. Фуртадо, В. Уркиди, О. Флорес де ла Пенья, А. Бальтра, П. Вускович, Ф. Эрреа, Х. Майобре и др.), Пребиш сыграл решающую роль в разработке концептуальных основ новой стратегии развития для Латинской Америки и периферии в целом, взятой на вооружение многими странами «третьего мира» в 50—70-е годы прошлого века (идеи импортзамещающей индустриализации, региональной экономической интеграции, преобразования аграрных структур, программирования развития и т.д.).

² Р. Пребиш. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива. М., 1992 г. с. 4—5.

³ Там же, с. 5.

⁴ Там же, с. 9.

⁵ Там же, с. 9—10.

⁶ Там же, с. 10—11.

⁷ Там же, с. 13, 211.

⁸ Там же, с. 246.

⁹ Латинская Америка, 2009, № 12, с. 11.

¹⁰ Р. Пребиш, с. 316—317.

¹¹ Там же, с. 323—324.